
УДК 82.0(470)
ББК 83.3(2=Рус)1
Ш 65

Шишхова Н.М.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru*

Концепт смерти в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется своеобразие и особенности концепта смерти в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» в свете современного этико-философского подхода, рассматривается смыслообразующая функция смерти для структурирования литературного сюжета. Толстовская повесть находится постоянно в поле зрения исследователей последних десятилетий в этой области, которые делают акцент на писательской концепции фундаментальной непостижимости смерти. Человеческое сознание способно только констатировать такой факт, но не способно раскрыть эмпирически.

Ключевые слова:

Концепт, танатология, смерть и бессмертие, феномен смерти, современный этико-философский подход, базовые метафоры смерти.

Shishkhova N.M.

*Candidate of History, Associate Professor of Literature and Journalism Department,
the Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru*

Concept of death in L.N. Tolstoy's great story «Ivan Ilich's Death»

Abstract:

The paper analyzes the originality and features of the concept of death in L.N. Tolstoy's great story "Ivan Ilich's Death" in the light of the modern ethic-philosophical approach. The author examines a sense-forming function of death for constructing a plot structure. The great story by Tolstoy is always in the field of vision of researchers of last decades who emphasize the writer's conception on fundamental incomprehensibility of death. The human consciousness is capable only to establish such a fact, but it is not capable to uncover it empirically.

Keywords:

Concept, thanatology, death and immortality, a death phenomenon, the modern ethic-philosophical approach, basic metaphors of death.

Этико-философский подход, характерный для русской литературы, дает наиболее глубокое осмысление феномена смерти. Духовный опыт отечественной культуры ясно свидетельствует, что смерть не норма, и фиксирует ее нравственно негативную сущность. По словам Ю.М. Лотмана, «... литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом

подвергнуть ее отрицанию» [1: 417].

В последние десятилетия происходит своеобразное переоткрытие смерти в культуре, которое приобретает разнообразные мотивы. Возникла сравнительно новая наука танатология как гуманитарная дисциплина. В энциклопедии К. Исупова данный термин определяется как философский опыт описания феномена смерти» [2]. В таком же ключе трактуется термин в статье Г. Тульчинского «Новые термины и понятия», одна из главных тем персонологии [3]. В гуманитарной ветви танатологии литературный опыт занимает одно из ключевых мест. Смыслообразующая функция смерти для структурирования литературного сюжета, например, рассмотрена в статье Ю.М. Лотмана «Смерть как проблема сюжета» [1]. В ней высказаны некоторые принципиальные идеи, равно важные и для культурологии, и для литературоведения. Например, о возможности создания базовых метафор смерти как интерпретационных моделей культуры.

В последнее время популярен постмодернистский дискурс смерти, основополагающие установки которого манифестируют смерть как «голый» аргумент абсурда вне каких-либо философских и нравственных осмыслений. Именно поэтому духовно-интеллектуальные традиции, национальное своеобразие типологических особенностей относительно данной проблематики в отечественной литературе и философии приобретают особое звучание.

Философско-эстетические и художественные опыты Л. Толстого в постижении феномена смерти находятся в постоянном поле зрения современных исследователей в философии и литературоведении, ибо у Толстого проблема смерти входит и в философскую, и в религиозную, и в нравственную, и в социальную проблематику, хотя это не исключает ее экзистенциального решения. Мысли о смерти, особенно у позднего Толстого, бывают порождены не только биологическим чувством, а иными, религиозными и духовны-

ми поисками. Для писателя очень важно многообразие индивидуальных проявлений смерти. Но смерть для Толстого, прежде всего, – выявление подлинной сущности жизни того или иного человека.

В.Ф. Асмус, анализируя его философские взгляды, писал: «В центре вопросов толстовского мировоззрения, а потому и в центре понятия веры стало противоречие веры между конечным и бесконечным существованием мира <...> Толстой осознавал это противоречие как жизненное противоречие, захватывающее наиболее глубоко ядро его личного существования и сознания <...> Стремление укрепить корень жизни, расшатанный страхом перед смертью, Толстой черпает не в силе самой жизни, а в религиозной традиции» [4: 63].

Рефлексия над смертью способна более всего «разжечь» метафизическую «страсть» человека, пробудить в нем подлинное философское горение, а значит сделать его бытие духовным.

Программным произведением в плане концептуализации идеи смерти в творчестве позднего Толстого является повесть «Смерть Ивана Ильича», о которой он писал: «... описание простой смерти простого человека, описывая из него» [5: 63, 29]. Его герой из тех людей, которых Толстой («Царство Божие внутри вас») называл «конвенциональными», живших по инерции, по привычке. Обычная жизнь людей, подчиненная автоматизму и несвободе.

Любопытно, что согласно одной из версий термин «танатология» в обиход медицинской и биологической наук был введен по предложению И. Мечникова, а в 1925 году профессор Г. Шор, ученик Мечникова, издает в Ленинграде работу «О смерти человека (Введение в танатологию)». Книга Шора адресована медикам, однако в ней были предприняты важные шаги для становления науки в целом. Автор создает своеобразную типологию смерти: «Случайная и насильственная», «скоропостижная», «обычная» [6: 280]. Известно, по словам самого Толстого, что

в замысел его повести легла жизненная история Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, умершего 2 июня 1881 года от тяжелого заболевания. В воспоминаниях о смерти своего брата Илья Ильич Мечников говорил о его размышлениях, «исполненных величайшего позитивизма», о страхе смерти и, наконец, о примирении с ней [7: 280]. Т.А. Кузминская, со слов вдовы покойного, передала Толстому разговоры Ивана Мечникова «о бесплодности проведенной им жизни» [8: 445 - 446].

Очевидно, насколько все это укладывается в русло идей художественного творчества писателя 80-х годов, который считал, что история умирания и прозрения чиновника - «самая простая и обыкновенная», хотя и «самая ужасная». Прозрение и пробуждение, наступившие перед смертью, уносят страх скорого исчезновения и неприятие смерти, но не снимают неотвратимость конца.

Страх и ужас умирания проходят через такие мучительные стадии, что любая «обманка», приготовленная Иваном Ильичом, становилась бесполезной. Всякое утешение почти тотчас теряло смысл. Как писал Борис Поплавский в эссе о «Смерти и жалости», «нет, не ужас смерти, а обида смерти <...> поражают его воображение» [9: 717]. Эта обида героя повести вызвана случайностью и неясностью причины смертельной болезни: *«И правда, что здесь, на этой гардине, я, как на штурме, потерял жизнь. Неужели? Как ужасно и как глупо? Это не может быть! Не может быть, но есть»* [5: 282]. Для Ивана Ильича самое ужасное в явлении смерти – это неизбежность. Облик смерти становится с течением болезни героя все более «вещественным», т.е. плотским, физиологичным, вызывающим и запредельный ужас, и омерзение: «мученье от нечистоты, неприличия и запаха», «бессильные ляжки», «волосы плоско прижимались к бледному лбу» и т.д. Именно поэтому Иван Ильич смотрит «физиологическим» взглядом на

жену и с ненавистью отмечает «белизну и пухлость», «чистоту ее рук, шеи», «глянец ее волос» и «блеск ее полных жизни глаз». Взгляд героя обостренно выхватывает приметы плотского здоровья, и этот взгляд направлен на всех героев: Герасим, жена, дочь и ее жених с «огромной белой грудью и обтянутыми сильными ляжками в узких черных штанах» В сопоставлении с этой избыточной плотью его исчезающее тело становится пугающим, от него веет холодом и смрадом. От этих физиологических подробностей, с одной стороны, смерть выглядит еще более достоверной, с другой – еще более непостижимой. Мы видим восприятие смерти самим умирающим человеком. И сколь странным ни казалось его предсмертное времяпрепровождение, Толстой не дает нам забыть, что это восприятие совсем иное, чем взгляд на умирание извне. Надежда и отчаяние сменяют друг друга, ненависть уносит последние силы. Иван Ильич у Толстого согласен с тем, что Кай смертен (как можно оспорить то, что так естественно и законно!), но все его существо кричит, что он-то не Кай. Смерть другого, опыт его умирания не утешают толстовского героя, он сосредоточен на внешних и внутренних приметах только своего индивидуального процесса ухода. Прошлая жизнь ему кажется «хорошей», и Иван Ильич никогда не искал избавления от нее. Обычная жизнь людей, подчиненная автоматизму и несвободе, по словам русского философа Л. Шестова, это не жизнь, а смерть: «Некоторые, очень немногие, чувствуют, что их жизнь есть не жизнь, а смерть» [10: 50]. Это чувство придет к герою, но только в последние минуты. Страх смерти и конца ставят Ивана Ильича перед необходимостью понять жизненную реальность как нечто обдуманное. Поиски смысла своей жизни становятся для толстовского героя не столько пробуждением сознания, сколько смертельной отравой, перенести которую он был не в состоянии: *«И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти ин-*

тересы общества и службы - все это могло быть не то. Он попытался защитить перед собой все это. И вдруг почувствовал всю слабость того, что он защищает. И защищать нечего было» [5: 282]. Сознание открывающейся истины «удесятерило его физические страдания», ненависть ко всему окружающему от одежды до вида жены уносила его иссякающие силы. Предчувствие безвозвратно уходящей жизни ввергает Ивана Ильича в панический, традиционный, метафизический ужас.

Интересно, в каком ключе трактует Гайто Газданов творческую природу русского писателя в «Мифе о Розанове». Газданов рассматривает его в экзистенциальном ключе: «Розанов – это процесс умирания», и его заслуга состоит в том, что он воплотил этот процесс. Не случайно автор статьи вспоминает в связи с Розановым «Смерть Ивана Ильича». Тайну человеческой и художественной природы Розанова он объясняет трагическим ощущением смерти: «Для агонизирующего законов нет. Нет стыда, нет морали, нет долга, нет обязательств – для всего этого слишком мало времени». Отсутствие надежд и иллюзий, по Газданову, чревато имморализмом [11].

Натуралистическая картина трехдневной агонии, боли и непрерывного крика «У/ Уу/ У» говорит, что источник невыносимого ужаса - страх смерти - для толстовского героя стал абсолютной реальностью, никакие «обманки» не могут уже избавить от него. Было очевидно, что бесполезно барахтаться в черном мешке, который уже никогда не развязать. Осталось только одно: всосаться в «эту черную дыру», провалиться в нее. Иван Ильич окончательно слился со своим мучителем – страхом - и избавился от него. В конце мучившей его черной дыры «засветилось что-то», указавшее «настоящее направление», и тут же он осознал, что «жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить». И он, действительно, успевает в последний момент это

поправить, открывая сердце для окружающих. Иван Ильич делает то, о чем мечтал в процессе умирания для себя как высшем благе: жалеет близких. И не только своего маленького сына, худенького гимназистика с черными кругами под глазами, но и ненавистную жену, которой холодеющими устами пытается сказать «прости».

Символы, используемые в религиозных книгах, имеют для писателя огромное значение. Например, в Ветхом завете воскресение описывается как пробуждение от сна смерти, возвращение к свету после погружения в полную ночь, т.е. в жизнь, лишенную духовного начала. Именно перед своей физической смертью Иван Ильич видит свет в черной дыре, который окончательно уничтожает страх смерти, убивает саму смерть.

Повесть «Смерть Ивана Ильича» неоднократно сравнивали с рассказом «Хозяин и работник» (1895), в котором купца Брехунова внезапно охватывает чувство жалости, любви к ближнему, желание послужить ему и даже пожертвовать своей жизнью. Он спасает мужика Никиту от замерзания своим телом, а взамен в его душе поселяется покой, мир и смысл. Не случайно в конце рассказа умирающий купец думает «что он – Никита, а Никита – он и что жизнь его не в нем самом, а в Никите».

Интересно, что метафора передвижения из жизненного путешествия в путешествие последнее, смертельное, связана у Толстого с поездом, с ощущением себя «в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление» [5]. Другая метафора – это образ камня, летящего вниз с увеличивающейся скоростью, быстрее и быстрее к концу, падение, которое писатель называет страшным и разрушительным. Свое вполне оправданное место получает и мифологема горы (вечность, верх: «*Точно равномерно я шел под гору, воображая, что иду на гору. Так и было. В общественном*

мнении я шел на гору, и ровно настолько из-под меня уходила жизнь... » [5]). Иллюзия Вечности и Верха - очередные «обманки» для Ивана Ильича.

Толстой находит массу дополнительных импульсов для развития темы умирания, угасания. Многие мифологемы и метафоры сегодня привычно обычны для постмодернистской литературы, активно разрабатывающей тему смерти (Юрий Мамлеев, Милорад Павич, Виктор Пелевин, Андрей Дмитриев). Для апокалиптического мироощущения эпохи постмодерна мифологема смерти является одной из основополагающих. И в решении этой проблематики не так трудно найти точки соприкосновения традиционной русской классической литературы и пост-

модернистской. «Смерть, – по словам Андрея Дмитриева, – не род наказания и болезнь не род наказания, скорее род назидания». Эти слова могли бы послужить своеобразным эпиграфом к повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Критик Марина Адамович пишет о способности Дмитриева «породить точную систему времени - вечности, тем самым сохранить реальность в художественном пространстве», и заканчивает свои рассуждения следующим выводом: «Именно потому служебный термин, некогда произнесенный кем-то из российских критиков – «неореализм» (или новый реализм, как угодно), – кажется мне работающим для этого типа прозы» [12].

Примечания:

1. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартусско-семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417-430.
2. Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. 446 с.
3. Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб., 2003. 512 с.
4. Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 1. М., 1969. С. 40-101.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 63. М., 1994. С. 390-391.
6. Шор Г.В. О смерти человека (Введение в танатологию). СПб., 2002. 272 с.
7. Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1964. URL: [http:// whinger.narod.ru/ocr/optimism/html/00.html](http://whinger.narod.ru/ocr/optimism/html/00.html). С. 697-706.
8. Кузьминская Т.Н. Моя жизнь дома и в Лесной поляне. Тула, 1958. URL: [http:// dugward.rU/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#rodit](http://dugward.rU/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#rodit).
9. Иванов Вяч. Вс. Русская диаспора: язык и литература // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000.
10. Шестов Л. На весах Иова. Странствия по душам // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. URL: [http:// www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shestl6.htm](http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shestl6.htm)
11. Газданов Г. Миф о Розанове // Литературное обозрение. 1994. № 9-10. С. 73-78.
12. Адамович М. Соблазненные смертью. Мифотворчество в прозе 90-х: Юрий Мамлеев, Милорад Павич, Виктор Пелевин, Андрей Дмитриев // Континент. 2002. № 114. С. 405-419.

References:

1. Lotman Yu.M. Death as a plot problem // Yu.M. Lotman and Tartuss-semiotic school. М.: Gnosis, 1994.
2. Culturology. The XX century: encyclopedia. V. 2. SPb., 1998.

-
3. The projective philosophical dictionary: new terms and concepts. SPb., 2003.
 4. Asmus V.F. Tolstoy's world view // Asmus V.F. The selected philosophical works. V. 1. M., 1969.
 5. Tolstoy L.N. Complete collection of works: in 90 vol. V. 63. M., 1994.
 6. Shor G.V. On the death of a person (Introduction to thanatology). SPb., 2002.
 7. Mechnikov I.I. The sketches of optimism. M., 1964.
 8. Kuzminskaya T.N. My life at home and in Lesnaya Polyana. Tula, 1958.
 9. Ivanov Vyach. Vs. Russian diaspora: language and literature // Ivanov Vyach. Vs. The selected works on semiotics and culture history. V. 2. Articles on Russian literature. M.: The Languages of Russian culture, 2000.
 10. Shestov L. On the Scales of Job. A Peripateia of Souls // Shestov L. Col.: in 2 vol. V. 2. M., 1993.
 11. Gazdanov G. The myth on Rozanov // Literary review. 1994. № 9-10.
 12. Adamovich M. Tempted by death. Creating myths in prose of the 90s: Yury Mamleyev, Milorad Pavich, Victor Pelevin, Andrey Dmitrov // Continent. 2002. № 114.